

Мат - слова священные

ПИСАТЕЛЯ Юза АЛЕШКОВСКОГО по жизни сопровождает легкий аромат скандала. А какого еще отношения можно было ожидать в Стране Советов к человеку, написавшему песню "Товарищ Сталин, вы большой ученый"?

Он первым в советские времена стал употреблять в своей прозе ненормативную лексику. Публиковать его решил журнал "Континент", и то лишь после отъезда Алешковского в Америку в 1979 году. Написанный уже в эмиграции роман "Кенгуру" отказались публиковать все российские журналы, рискнул лишь альманах "Киносценарии".

В последние несколько лет в России Алешковского издают много, сам же он появляется в Москве очень редко.

- Вас родители воспитывали в строгости?

- Я вырос на улице, в компаниях воровских, хулиганских. Тогда, в военное и послевоенное время, почти все мальчики из московских дворов были прибалтанные. Потом был лагерь, который стал для меня и школой жизни, величайшим опытом, и работа в среде водопроводчиков и шоферни, к которым я относился с величайшим почтением.

К тому же я - почти необучаемая личность. Со мной работать было чрезвычайно трудно. До тех пор, пока сам не начал над собой работать. И устрасился закона. Отсидев свое, к закону стал относиться послушно.

- Компания мальчишеская жестокая...

- Бывали драки, но меня не так-то просто "схватить". А уж когда стал постарше, бывали случаи и более серьезные, чем междоусобицы во дворе. Тогда приходилось давать понять, что буду защищаться. Что могу и замочить, если деваться будет некуда.

- То, что в своей прозе вы активно используете ненормативную лексику, - это принципиально или о нашей действительности по-другому просто нельзя писать?

- Я отношусь к речи с величайшим почтением. Речь грубая, так называемая матерная, всегда была частью речи народа. В силу чего - об этом можно спорить и долго размышлять. Я думаю, что так называемые матерные слова поначалу-то были словами не ругательными, а сакральными, священными. Поскольку органы наши, гениталии мужчин и женщин, - они же воспроизводят бытие будущих поколений. И пра-пра-человек не мог не испытывать восторга и ужаса перед воспроизводительной родовой деятельностью своей. По важности выполняемых функций половые органы - это number one. Я даже считаю, что их деятельность важнее деятельности мозга.

И это остается загадкой - почему слова сакральные, священные, имевшие несомненное отношение к фаллическому культу и культу Матери-земли, стали словами запрещенными, презираемыми и тем не менее употребляемыми.

- А для вас самого эти слова - что?

- Как я уже сказал, рос я на улице. Если бы эти слова были не запрещены, я, может быть, и не обратил бы

на них внимания. Но когда я получил в глаз от папаша за то, что назвал домработницу "п...дой", потому что она мне оладьи не дала, я понял: что-то здесь не так! Было мне тогда 3,5 года. И внимание мое отныне было приковано к ним. Но это не означает, что я матерился в семье, - никогда, ни разу в своей жизни я не ругнулся при матери или отце.

А в литературных текстах... Все-таки я реалист, и если персонажи изъясняются именно так, иначе их речь себе представить трудно. Особенно если это урка, или хулиган, или руководитель, который только матом и может поднять в народе трудовой энтузиазм, то попытки изменить их речь я бы считал плевок в лицо своей музе. Никогда в жизни я себе этого не позволял.

- Самая яркая личность, которая встретила вас в жизни?

- Для меня это, безусловно, Иосиф Бродский.

Он заинтересовался моим романом "Кенгуру". А потом были дружба, собутыльничество, беседы, совершенно не определяемые профессиональными занятиями. Хотя Иосиф, на мой взгляд, ни секунды не жил вне слов. По-моему, не жил. Я чувствовал эту его интенсивнейшую жизнь. Во время беседы или пожирания пельменей или котлет, которые он любил безумно, чувствую - уходит. И чувствуешь, что он общается в это время с ангелами слов, с ангелами звуков.

- Вы думаете о старости и о смерти?

- Я человек религиозный и смерти нисколько не боюсь. Иногда даже при мыслях о ней чувство такое появляется в душе, словно в детстве в предвкушении похода к какому-нибудь кузену на день рождения. Это ожидание чего-то необычного: как там будет, никто не знает. С того света нам, безусловно, шлют приветствия ангельского характера, но информации мы оттуда не получаем.

Я не думаю, что смерть - самое страшное для человека, хотя некоторые люди испытывают перед смертью безумный ужас и уныние.

Страшнее думать о своем ничтожестве. О том, что все сделано не так, как надо. О том, что больше было праздности, чем настоящего художнического, подвижнического труда.

- Такие мысли вас часто посещают?

- В принципе я веселый по натуре человек, что вас, очевидно, удивит. Во всяком случае уныние посещало меня тогда, когда, например, однажды зимой мы понесли сдавать пустую посуду. Замерзли, как псы бездомные, а эта стерва поганая - приемщица - почему-то все закрыла. Ты уходишь ни с чем и какое-то время чувствуешь уныние. А потом - крылышками взмахнешь, так или иначе, но на бутылку наскребешь.